

В. Тусев

ШПИОН НА БАТАРЕЙКАХ

ЧЕРНЫЙ КОТ

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Шпион на батарейках

«ЭКСМО»

2008

Гусев В. Б.

Шпион на батарейках / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2008 — (Дети Шерлока Холмса)

Как быть, если вам стало известно, что кто-то готовит преступление? Конечно, сообщить в милицию и помешать злодею! Но вдруг ваш новый знакомый - никакой не злодей, а талантливый изобретатель, которого когда-то предал лучший друг? Теперь Стас хочет вывести этого "друга", бизнесмена Хорькова, на чистую воду и разоблачить его темные делишки... Братья-сыщики Димка и Алешка решили помочь изобретателю! Пускай для этого придется совершить несколько не совсем законных поступков... Зло должно быть наказано, а справедливость - восстановлена!

© Гусев В. Б., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Гусев

Шпион на батарейках

Глава I

«СТРАШНАЯ ЭСТОРЕЯ»

Когда эта страшная история завершилась более-менее благополучно, я посоветовал Алешке записать ее, как говорится, по свежим следам и в назидание потомкам. Алешка сначала отказался:

– Нет у меня никаких потомков во всякие назидания.

– Когда-нибудь будут, – возразил я. – И они тобой загордятся. Какой у них был умный, отважный предок Алексей Оболенский.

– На фиг надо! – отрубил он, а потом все-таки согласился. И тут же сел за свой стол «назидать своим потомкам».

Через полминуты он показал мне исписанную страницу:

– На, читай, здорово получается, да?

Я прочитал и понял, что описывать эту историю мне опять придется самому. Вот что он накалякал:

«Страшная эсторей

Жил-был один нихароший чилавек. Но он нихароший был нивсегда. Сначала он был хороший. А патом эспортелся и стал нихароший. Его задушила жаба. Он падумал, что деньги главнее дружбы. И он эспортился. Навроди как старые чисы. Каторые стали паказывать ниправельное время. И вот этот нихароший чилавек палучил очень хороший падарок. Ввиди жилезного Робика. Этот жилезный Робик умел читать, писать и воровать. И тогда начилось такое бизобразие, что ни в сказки сказать, ни пиром описать!»

Я даже не стал исправлять ошибки, а просто сел за свой письменный стол и написал эту «Эсторей» в назидание Алешкиным потомкам...

В нашем микрорайоне, недалеко от нашего дома, на краю нашего парка неспешно и даже как-то застенчиво журчит наша скромная извилистая речушка, которую мы называли Смородинкой.

И кто бы мог подумать, что на ее мирных уютных берегах мы с Алешкой попадем в загадочную, я бы даже сказал – таинственную... я бы даже добавил: в опасную историю...

Мы с Алешкой часто бегаем на Смородинку, она нам нравится. Хотя она и не очень ухоженная. По ее названию можно подумать, что она течет среди высоких трав и густых зарослей красной и черной смородины. Это не совсем так. Это совсем не так. Наша Смородинка бежит среди зарослей древесного и строительного мусора. Один ее берег, парковый, завален отжившими деревьями, а другой – бетонными плитами, ржавой арматурой, колотым кирпичом.

В нашей Смородинке нельзя купаться. В ней нельзя ловить рыбу, даже лягушки в ней не водятся. По ней не проплывешь на байдарке. Но мы с Алешкой все равно ее любим. Наверное, потому, что она – маленький упорный кусочек природы посреди камней и асфальта большого города. Наверное, потому, что над ней все равно щебечут птицы и светит солнце. И наверное, потому, что нам ее жалко. Как заблудившегося малыша.

Смородинка вытекает из какой-то неведомой трубы, падает вниз небольшим водопадом, в котором в солнечный день играет маленькая веселая радуга, и бежит, извиваясь, вокруг парка. Она пробирается меж кустов, старых покрывшек, недовольно бурчит в нутре холодиль-

ника без дверцы, омывает своими водами всякие другие железяки – ломаные детские коляски, ржавые останки велосипедов, газовые плиты и дырявые канистры.

Пробравшись через эти преграды, Смородинка добирается до моста, где на ее пути – уже не просто преграды, а баррикады. Я давно еще заметил, что когда человек стоит на высокой скале, или на крыше дома, или на мосту, ему непременно хочется с этого места что-нибудь бросить. А если бросить нечего, так хоть плюнуть.

Несколько лет назад в нашем парке какие-то студенты построили целый деревянный городок. И красивый подвесной мост через Смородинку. Он стоял на четырех резных столбах и висел на двух канатах. И очень приятно качался под ногами, когда мы бегали по нему с одного берега на другой.

Мост понравился всем. Он соединял две части парка. По нему бегали малыши, катили коляски молодые мамы, шли под ручку пенсионеры. А некоторым людям он понравился совсем по-другому. Папа рассказывал, что когда в Москве появились дома с мусоропроводами, то – новоселы специально везли в новые квартиры всякий хлам, чтобы сбросить его, например, с девятого этажа. Один дядька даже ухитрился засунуть в мусоропровод старые детские санки, а еще один запихнул туда отслужившую новогоднюю елку. Ну скажите, ведь приятно сбросить в мусоропровод, например, старый чугунный утюг, чтобы он прогромыхал по всем двенадцати этажам и глухо бухнулся где-то в самом низу.

Вот и наш красивый мост некоторые жители облюбовали, чтобы плюхнуться с него в безот-ветную Смородинку что-нибудь железное или просто тяжелое. Вы не поверите – специально несли из своих квартир старые кастрюли, отслужившие газовые плиты, радиоприемники, чтобы посмотреть и послушать, как этот хлам булькнет в воду и поднимет кучу брызг. Я бы таких людей в тюрьму сажал, честное слово...

И вот наша Смородинка бурлит и пенится перед мостом, прорывается за мостом и, наконец, выбирается на простор. Там уже нет преград. Там только один остров в виде затонувшей старой легковой машины. Какая машина – уже не узнать. И кто и как ее туда затащил – тем более. У нее нет дверок, стекол, колес. Но она очень полезная. Она служит бродячим собакам, которых полно в нашем парке. Почему-то эти собаки не любят перебегать Смородинку по мосту, наверное, потому, что он подвесной и качается. Поэтому они форсируют реку с помощью старой машины. Прыжок с берега на ее крышу, прыжок с крыши на другой берег. Водная преграда преодолена.

Знаете, очень забавно смотреть, как собачья стая собирается на берегу, все они лают, волнуются, грызутся, а потом вожак делает прыжок – и все, как на веревочке, – за ним.

В общем, очень хорошая речка Смородинка. Она всем нравится. И нам с Алешкой, и бродячим собакам, и людям, которые любят бросать в воду с моста всякий хлам.

Каждой весной мы с Алешкой бегаем на Смородинку пускать кораблики и возвращаемся домой мокрые до пояса и счастливые до пупка. А иногда – раскрашенные, как индейцы. Потому что наша Смородинка не только скромная, но и загадочная речка. Время от времени она вдруг окрашивается в какой-нибудь нелепый цвет. То течет голубыми струями, то зелеными, то красными. А то вовсе фиолетовыми. А то вообще покрывается разноцветными разводами.

Нам эта загадка страшно нравилась. Потому что ее трудно было разгадать. Но однажды она разгадалась. Но эта разгадка потянула за собой много новых загадок. Не особенно приятных. Словом, так и началась эта таинственная история на берегах разноцветной реки Смородинки, которая оказалась вовсе не Смородинкой. И люди, с которыми мы познакомились на ее берегах, не все оказались хорошими. И не все очень плохие оказались очень плохими...

У нашего папы иногда в воскресенье бывает выходной день. Иногда в субботу вечером министр внутренних дел, папин начальник, говорит ему:

– Ты вот что, Сергей Александрович, ты давай завтра отдохни. А то совсем с лица спал. С семьей пообщайся. Небось дети тебя уже не узнают? Небось спрашивают: что за дядя полковник к нам ночевать пришел?

– А вы, товарищ генерал? – вежливо спрашивает папа. – Как вы со своими внуками? Они вас узнают?

– Узнают! – смеется генерал, папин начальник. – На Новый год узнают, когда я Дедом Морозом одеваюсь. Скачут вокруг и за бороду дергают: «Дед, какой у тебя нос красный! Как у нашего дворника-пьяницы!» Так что, Сережа, я уж на пенсии отдохну. По полной программе. Куплю себе удочку подлиннее и буду над озером по утрам спать. Идут мимо люди и говорят: «Тише, милицкий генерал рыбу ловит». А я себе сплю, и ни фиги мне не стыдно.

И вот папа приходит в такую субботу вечером домой, такой весь из себя растроганный, и говорит:

– Мать, а где наши дети? Они меня еще помнят?

– Вот они, отец, – улыбается наша мама и выдвигает нас вперед подзатыльниками. – Это – старший, это – младший. Узнал? Этот троечник, этот двоечник.

– Не перепутать бы, – ворчит папа, переобуваясь. – А ты кто такая?

– А я, – говорит мама, улыбаясь, – ихняя маменька.

– Ничего себе, – одобительно кивает папа. – Ты мне нравишься. И детки у тебя довольно приличные. Поэтому сейчас мы ужинаем и идем все вместе гулять в парк.

– Отец! – мама взмахивает руками. – Луна уже на дворе! Поздно!

– Вот и хорошо, что луна, не заблудимся.

И мы идем после ужина в парк. Страшновато, конечно. В парке у нас и собаки бездомные водятся, и люди, и хулиганы вино пьют и хулиганят. Но с папой нам не страшно. Он почему-то никого не боится. Я как-то сказал Алешке: «Он смелый». Алешка подумал и добавил: «Дим, он еще и умный».

Один раз мы уже в этом убедились. Тоже в парке. Тоже лунным вечером. Мама сначала немного возражала:

– Отец, там хулиганы гуляют.

– И что? – спросил папа. – Нам теперь из дома нельзя выйти, да? Мы теперь за железными дверями и за решетками на окнах должны жить?

– Ну, я не знаю, – ответила мама. – Все так живут.

– А вот и не все! – сказал папа. – Идем гулять назло всем хулиганам! Пусть они сидят за решетками и железными дверями.

...Мы шли по парку, как всегда, по-семейному. Я любовался на березки, такие одинокие и незащищенные в центре города; Лешка громко пинал перед собой пустую пивную банку, а мама и папа шли сзади и разговаривали вполголоса про нас. Думали, что мы не слышим. Думали, что я люблю городскими березками, а Лешка любит мятой пивной банкой. Они, наши родители, всегда так ошибаются. Не в свою пользу.

Мама вздыхала:

– Как дети быстро растут. Вчера еще были маленькие. Очень быстро растут.

– Быстрее, чем мы стареем, – говорил в ответ папа. – К финишу мы придем на равных.

– Это как? – мама даже приостановилась и посмотрела на желтую луну, которая никак не могла выбраться на чистое небо, запутавшись в ветвях старой березы. – Нам всем тогда будет по восемьдесят?

– Я не знаю, сколько нам будет, но я знаю, что у нас будут дети, – и он показал на нас, – и у них тоже будут дети, – и он опять показал на нас. – Мы сравняемся.

– Да, – сказала мама. – Но у их детей, – и она показала на нас, – будут молодые родители. А у наших детей – старые. – И она показала на папу.

– Надо же, – усмехнулся папа. – А я и не знал.

Тут они оба рассмеялись, потому что им нравилось говорить всякую чепуху в конце рабочего дня. Чтобы отдохнуть от дневных забот. И они к ним снова вернулись. Пошел обычный семейный разговор – о родственниках и о сослуживцах. У кого как идут дела: у кого хорошо, у кого не очень, у кого совсем не идут. А у кого такие прекрасные, что зажмуриться хочется. То ли от зависти к ним, то ли от радости за них.

Алешка в этот момент так зафантилил пивную банку, что она взвилась вверх и врезалась в ствол дерева. Из-за ствола возникла вдруг грузная недовольная фигура.

– Ты чё, малёк, хулиганничаешь? А ну рубель штрафа гони!

Дядька был ничего себе. Здоровенный такой, мрачный. Я даже испугался. Тем более что за его спиной возникли еще две такие же фигуры. Не очень грузные, но очень неприятные.

Мама остановилась и взяла нас за руки. Наверное, чтобы мы не налетели на эти мрачные фигуры. Чтобы мы их не побили.

– Мадам! – сказала первая фигура. – Ваши дети нарушают общественный порядок. С них штраф по рублю, а с вас, мадам, по столынику. – Папу эта фигура вроде бы и не видела.

А папа сказал с усмешкой:

– Что, Сеня, заскучал на свободе? Опять за решетку хочется? Это ограбление, Сеня?

И тут вдруг эта громадная фигура в один миг съежилась и сдулась. И пролепетала:

– Это шутка, гражданин начальник. Вижу, вы гуляете всем своим семейством. Дай, думаю, повеселю хороших людей. – И он локтями отпихнул назад своих помощников. – Если желательно, гражданин полковник, мы вас сопроводим на всем пути вашего следования. В порядке охраны вашей безопасности.

– Красиво излагаешь, Сеня, – усмехнулся папа. – Иди домой.

– Есть, гражданин полковник! – Сеня вскинул руку к виску, развернулся и зашагал строевым шагом к выходу из парка. А его два друга запечатали шаг за ним. Размахивая руками в такт шагам.

Папа посмотрел им вслед и опять же с усмешкой покачал головой.

– Ну и друзья у тебя, отец! – мама перевела дыхание. – Хулиганье!

– Это не хулиганы, – сказал папа, – это бандиты. Надеюсь, в прошлом. – Папа тут задумался. – Это Сеня... Сеня по кличке Клык. – Папа долго молчал, а когда мы уселись на берегу Смородинки на сломанную скамейку, стал рассказывать. Про этого Клыка.

Этот самый Клык был обычным грабителем в подъездах домов. В одном магазине, где продавались всякие страшилки, он купил себе вампирские клыки и вставлял их в рот. И вот в какой-нибудь прекрасный вечер входит какая-нибудь женщина в подъезд, а ей навстречу Сеня разевает клыкастый рот, кричит громовым голосом: «Ага! Попалась!» – и вздымает под потолок длинные руки в черных перчатках. Женщина падает в обморок. Сеня открывает ее сумку, забирает из нее кошелек и мобильник, а потом аккуратно укладывает женщину к стеночке, чтобы никто на нее не наступил, и уходит, вытаскивая на ходу клыки изо рта. Да, и всегда подкладывает ограбленной женщине под голову ее сумку. Чтобы удобно было.

Такой он был вежливый и заботливый. И его никак не могли поймать, потому что женщины не могли достоверно его описать. «Страшный такой! Во рту клыки! А руки черные!» И нашему папе пришлось заниматься этим делом. И он с ним справился. Установил этого Сеню и разыскал его. А у папы на работе был один не очень хороший следователь. К тому же и не очень честный. И у него было много нераскрытых дел. И он решил все эти дела свалить на Сеню. Папа об этом узнал, заступился за Сеню, а следателя уволил навсегда из органов внутренних дел. И вот этот Сеня очень зауважал нашего папу. И после этой встречи в вечернем парке он со своими друзьями взял шефство над нашей семьей. В виде охраны ее младших членов. От всяких опасностей.

Одним словом, где бы мы с Алешкой ни находились, какие бы проблемы у нас ни возникали, тут же рядом появлялся Сеня-Клык и наводил порядок. Однажды он даже вступился за Алешку, когда его бессовестно обсчитала продавщица в магазине.

– Умная, да? – спросил он ее свистящим шепотом. – Встретилась бы ты мне в темном подъезде!

– Охрана! – завизжала продавщица.

Но охрана ей не помогла. Когда прибежал охранник и начал выступать, Сеня лениво сказал ему, показав кулак:

– Иди отсюда.

И охранник послушно отвернулся в сторону.

...Я не случайно обо всем этом рассказываю. Все это вам пригодится, чтобы понять, в какие проблемы мы вляпались и как из них выбирались. Скажу только, что очень скоро весь микрорайон знал о том, какая у нас с Алешкой крутая «крыша», а та самая продавщица уже обсчитывала Алешку в его пользу, себе во вред. Но Алешка, надо с уважением об этом сказать, никогда этим не пользовался и всегда честно возвращал перепавшие ему лишние рублишки.

Глава II

САМОРОДНАЯ СМОРОДИНКА

Но, однако, вернемся к нашей любимой речке Смородинке. Которая оказалась вовсе не Смородинкой. Сейчас расскажу, как все это получилось.

На ее диких берегах мы познакомились с двумя хорошими людьми. А точнее – с двумя людьми и с одной козой Анжелой.

С некоторых пор мы стали встречать на берегу очень пожилую женщину средних лет, в общем – симпатичную бабулю, которая приводила к реке симпатичную козочку на поводке.

– Ей надо травки пощипать, – объяснила нам бабуля, – и по камешкам попрыгать. Она все-таки коза, а не собака, так ведь?

Да, собаки в нашем парке прыгают не по камешкам, а по крышам легковых машин и травку не щиплют. Они обычно щиплют не понравившихся им прохожих.

На берегу бабуля спускала козочку с поводка, садилась на раскладной стульчик и занималась вязанием.

– Это я Анжелочке на зиму куфаечку вяжу. Зачем ей зимой мерзнуть, так ведь?

Бабуля вязала «куфаечку», Анжела щипала травку и скакала по камешкам, а мы с Алешкой готовили к испытаниям его подводную лодку. Модель, конечно, а не боевой корабль в натуральную величину.

– Чего вы там шепчетесь? – крикнула нам бабуля, втыкая спицы в клубок. Она уже плохо слышала, и ей казалось, что все вокруг нее говорят шепотом. А сама при этом орала как оглашенная. – И не Смородинка, если правильно. А Самородинка!

– Это как? – удивился Алешка.

– А вот так! – закричала бабуля, испугав собственную козу. Анжела уставилась на нее вопросительно, но жевать не перестала, так и мочалила клок травы левыми зубами. – А вот так! Здесь отродясь никакой смородины не водилось. А Самородинкой ее зовут, потому что сама народилась. Неизвестно откуда.

– Очень неизвестно! – выпалил Алешка. – Вон труба, из нее и вытекает... Смородинка.

– А в трубу-то она откуда притекла? Не знаешь? Вот то-то и оно-то. И никто не знает. Сама народилась, сама и бежит. Потому и Самородинка. А смородины тут отродясь не бывало.

– Ладно, – сказал Алешка примирительно, он не любил со старшими спорить, он их уважал. Не всех, конечно, а только тех, кто, по Алешкиному мнению, этого уважения заслуживал. – По-вашему – Самородинка, а по-нашему – Смородинка. Мир?

– Мир! – каркнула бабуля. – Только всеж-ки по-моему будет. Вот увидишь. Желка, зараза! Плюнь эту гадость. – Анжела увлеченно жевала пакет из-под сока.

Бабуля оказалась права. На следующий день вместо нее на берегу Сморо... Самородинки, что ли? В общем, на берегу речки появился средних лет немолодой мужчина, которого мы сначала стали называть Художником. У него была выразительная внешность – узенькая борода, остренькие усики и широкополая шляпа.

Он приходил на реку обычно днем, садился на такой же, как у козлиной бабули, складной стульчик, ставил перед собой легкий мольберт и начинал делать эскизы.

Сначала мы не обращали на него внимания. Пусть себе рисует. А потом любопытный Алешка, пробегая у него за спиной, заметил что-то необычное в его рисунках.

– Каракули, – сказал он мне. – Я в сто раз лучше могу. – Я не стал спорить, Алешка здорово рисует.

Художник заметил Алешкин интерес и прямо спросил:

– Что ты вокруг меня вертишься?

– А вы плохо рисуете, – прямо ответил Алешка. – Неправильно.

Художник не обиделся. Он только уточнил:

– Как тебя зовут? Хорошее имя. А меня зовут Станислав. Можно проще – Стасик. Так что у меня тут неправильно?

На эскизе был набросок небольшого зеленого домика в два этажа, который стоял возле того самого места, откуда самородно вытекала Смородинка. Домик сиял как новенький и был огорожен стальной решеткой. Решетка тянулась до самого берега. И этот кусок берега был очищен от мусора и хлама, и на нем (на берегу, а не на мусоре и хламе) стояла изящная скамеечка под навесом. Наверное, хозяин этого дома по вечерам выходил на берег реки и садился на скамеечку, чтобы выкурить перед сном сигару или трубку, созерцая журчащие воды... Самородинки.

– Вы, Стасик, – сказал Алешка, – это дерево за углом дома неправильно нарисовали. Оно не там торчит. Оно торчит подальше. И вообще, у вас не художественное произведение, а какая-то дурацкая схема.

Стасик не обиделся, он только смутился. Даже мне показалось, что он чего-то испугался. Своей бездарности, что ли?

– А кто там живет? – спросил Алешка. – Захватил себе целый кусок берега, целый кусок Смородинки, заборы наставил...

– Самородинки, – поправил его художник Стасик. – Так правильно. – Он, видимо, совсем не хотел говорить о том, кто «там живет за забором».

Но от Алешки так просто не отделаешься.

– Про Самородинку вам Анжелка сказала, да?

– Какая Анжелка?

– Бабка с козой.

– Я и без нее про Самородинку знаю. Я в этом доме несколько лет проработал.

– И чего вы там наработали?

– Игрушки. Здесь была маленькая фабрика детских игрушек.

Вот это нас здорово заинтересовало.

– А какие игрушки? – спросил Алешка. – Ходячие куклы? Которые мяукают «мама»?

– Я делал не мяукающих кукол, а летающие самолеты, плавающие корабли, бегающие танки.

В общем, все это оказалось очень интересно. Художник Стасик очень словоохотливо нам все рассказал и, кстати, раскрыл тайну «цветения» Самородинки.

Небольшая фабрика на ее берегу выпускала «мяукающих» кукол, разноцветные кубики и голопузых пупсиков. И время от времени «выпускала» в речку остатки красителей. Потом директора, который раскрашивал речку ядовитыми разводами, прогнали, и директором стал Стасик. Он до этого был известным (точнее – совсем неизвестным) конструктором всякого радиооборудования всяких стратегических ракет. И решил, что время пупсиков прошло. Решил, что детям нужны игрушки нового уровня. И сам разработал конструкции летающих и плавающих машинок. Радиоуправляемых.

Здорово, конечно. Представляете, например, маленький катерок, по виду совсем как настоящий. Спускаете его на воду и, стоя на берегу, гоняете его по пруду во все стороны, управляя специальным пультом. Или вертолет. Поднимаете его в воздух, и он там летает себе по вашим командам.

Ну, такие машинки есть в продаже, но они очень дорого стоят, а директор Стасик хотел их сделать доступными по цене каждому пацану. И работал над этим.

А вот что было потом, куда делась фабрика и почему ее хороший директор стал плохим художником, мы в тот день так и не узнали. Плохой художник почему-то нам об этом не рассказал и на Лешкины вопросы не ответил. Только на один вопрос дал ответ. Алешка спросил его:

– А зачем вы этот дом рисуете?

– На память, – коротко и хмуро отозвался художник и сложил этюдник.

Это знакомство внесло некоторые коррективы в Алешкины планы. Он решил изменить конструкцию своей подлодки и сделать ее управляемой по радио. Достойная задача для стабильного двоечника третьего «А» класса.

И вот он пересмотрел все старые журналы по моделированию, которые когда-то покупал папа, и начал «творить, выдумывать и пробовать». И выпрашивать у мамы деньги на всякие радиодетали. Которые он покупал либо на «Горбушке», либо еще дальше – на Митинском рынке. И вот там-то у него произошла очень странная и случайная встреча с пожилым человеком средних лет. Без бородки и усиков.

Дело было так. Алешка в одном павильоне выбирал какие-то детальки, советовался с продавцом.

Тот, устав от его вопросов, спросил:

– Ты скажи толком, чего строишь? Взрывное устройство?

– Ага. С дистанционным пультом.

– Школу хочешь рвануть?

– Ваш павильон.

Алешка умеет давать хорошие ответы на глупые вопросы.

– За что? – удивился продавец.

– Толку от него мало.

– Ну нет у меня таких усилителей. Сходи к Женьке, павильон двести тридцать.

– Не ходи, – сказал кто-то у Алешки за спиной. – У него тоже таких нет. Тебе для каких условий?

Алешка обернулся: какой-то дяденька, довольно пожилой, средних лет.

– Мне надо, чтобы сигнал проходил под воду на целый метр.

– У меня, кажется, есть такие усилители. Ты где живешь?

– На Вернадского, у метро.

– Земляк, стало быть. С берегов Самородинки. Зайди ко мне завтра, я тебе что-нибудь подберу. – И он дал Алешке свою визитную карточку.

Алешка сунул ее в карман и уже внимательнее посмотрел на мужчину. Что-то в нем показалось ему знакомым. На кого-то он похож, но чего-то в нем не хватало, чтобы узнать и вспомнить – на кого именно.

– Ладно, – сказал Алешка, – я зайду. Так и быть. – Одолжение сделал.

Дома он показал мне карточку. Станислав Петрович Рошин, инженер. Телефон и адрес.

– Это кто? – спросил я.

– Земляк, с берегов Самородинки. Сходим к нему?

Конечно, ходим. Сейчас не те времена, чтобы отпускать ребенка одного к незнакомому человеку. Даже если он наш земляк, с берегов Самородинки.

Сразу скажу, что мое сопровождение Алешки могло бы и не понадобиться. На том коротком пути до «земляка с берегов Самородинки» я несколько раз замечал то впереди, то сзади, то с одного бока, то с другого грузную и независимую фигуру Сени по прозвищу Клык. Он шел неторопливо, но упористо. С прилипшей к нижней губе сигаретой. Ему никто не мешал в его устремленном движении. Все встречные как-то охотно и резво сторонились и уступали ему дорогу. Хотя Сеня не нахальничал. Он просто шел сам по себе. Как ледокол между льдин. И льдины сами разбегались от его тупого железного носа. С сигаретой на нижней губе.

Алешка его тоже заметил. Усмехнулся и сказал:

– Ежик в тумане. Вроде его нет. А на самом деле он есть. Все-таки, Дим, он мне нравится. Я не стал спорить. У Алешки, хоть он еще и мал, особый вкус на людей. На плохих и хороших. Чем-то их чувствует и различает. И никогда не ошибается. А уж если ошибется (хороший оказался плохим), то такому человеку в Алешкиной жизни делать нечего...

Наш земляк жил совсем рядом с нашим домом, и он тоже (земляк, а не дом) показался мне знакомым. Будто я не только видал его раньше, но даже с ним разговаривал. Но, осмотревшись в его комнате, я сразу об этом забыл. Это была не комната, а что-то вроде радиомастерской или лаборатории. Всюду стояли на столах и подоконниках какие-то мудреные приборы, везде в беспорядке лежали всякие загадочные детали, а на телевизоре жужжал какой-то включенный аппарат. И горами громоздились не только на полках, а даже на полу технические книги и журналы. На всяких иностранных языках. Но больше всего меня поразила, даже немного напугала лежащая на полке человеческая рука небольшого, какого-то детского размера.

– Не бойтесь, – сказал Станислав Петрович. – Это протез. Моей конструкции. – И как-то грустно добавил: – Дело всей моей жизни.

И он нам кое-что рассказал о деле своей жизни. Когда-то Станислав Петрович навещал в детской больнице сынишку своего приятеля. И там его поразили детишки, лишенные рук и ног. Это так его потрясло, что он забросил все свои игрушечные затеи и посвятил всю свою жизнь созданию хороших детских протезов. И кое-что ему удалось.

– Вот смотрите, – сказал он, взяв в руки крохотный пульт, – только не пугайтесь.

Он направил пульт на искусственную руку, и она вдруг шевельнулась, а потом, как по волшебству, сжала пальцами лежавшую рядом авторучку. Мы просто остолбенели.

– Вы великий человек! – с искренним восхищением проговорил Алешка. – Вы великий волшебник!

Да, лучше не скажешь. Сколько несчастных беспомощных детишек он сделал счастливыми.

– Нисколько, – как бы в ответ на мои мысли печально сказал волшебник. – Я не завершил свою работу.

– Почему? – вырвалось у нас с Алешкой одновременно.

– По очень простой причине. Я лишился своей лаборатории и всех своих денег. Я ведь даже живу в чужой квартире.

Мы с Алешкой поняли, что дальше расспрашивать его не стоит. Тем более что он тряхнул головой и сказал Алешке:

– Ну, что там у тебя? Какие проблемы?

Алешка вытащил из рюкзака свою подложку вместе с ее проблемами. Станислав Петрович осмотрел ее и похвалил Алешку:

– Толково. Схему сам составил?

– Не, я ее содрал из журнала. Но она мне не нравится.

– Я понял, – Станислав Петрович кивнул. – Сигналы с пульта недостаточно сильные, да?

– Ага. Они только на десять сантиметров в воду уходят. На фиг мне такая ерунда.

– Действительно, на фиг. Ну-ка, давай порисуем.

При этих словах Алешка как-то странно взглянул на него.

– Схему порисуем, – уточнил Станислав Петрович. – Мне кажется, что вот здесь...

Все, дальше я бессилён. Пошли такие слова, которые для меня были недоступны. Всякие транзисторы, тиристоры, гетеродины. Резисторы постоянные, резисторы переменные, стабилизаторы, дешифраторы... Даже не китайская грамота, а какая-то инопланетная. А вот Алешка среди этих терминов шнырял, как шустрая мышка. И когда он успел в этом разобраться? Больше всего меня поразило, что они разговаривали на равных. Спорили, соглашались, выхватывали друг у друга карандаш и тут же что-то исправляли на схеме.

– Вот смотри, – кипятился Станислав Петрович, – вот твой передатчик команд. Так?

– Ну так, – морщил лоб Алешка. – Дальше что?

– Какие команды? Перечисли набор.

– Повороты, погружение, задний ход, две скорости вперед, всплытие. Ну и что?

– А то! Для регенеративного каскада твоего приемника мощность такого усилителя явно мала. Давай немного изменим параметры.

– Давай!

– Вот здесь еще одно реле, и тогда коллектор транзистора...

Вы что-нибудь поняли? Вот и я – тоже. Но меня это не смущало. Что-то другие люди знают больше меня. Но что-то я знаю больше других людей. Но вот что?..

Потом Станислав Петрович встал и ушел в соседнюю комнату, не прикрыв за собой дверь. Мы, конечно, одним глазком туда глянули. И не зря. Там стояло на полу еще одно чудо – самый настоящий рыцарь в доспехах. Его доспехи сверкали, как консервные банки. В прорезях шлема, казалось, поблескивали злые глаза. А вот брюхо у него подгуляло – оно было распахнуто, как печная дверца. И у меня сразу к этому рыцарю пропал интерес. Я в одном доме уже такого видел, с дверцей. За которой стояли рядами бутылки с вином и виски. Бар такой домашний, в пустом брюхе рыцаря. Глупее не придумаешь. А Лешке он чем-то понравился. И он спросил Станислава Петровича, когда тот вернулся в комнату с деревянным ящичком в руках:

– А это кто? Из музея?

– Подарочек, – как-то неохотно ответил Станислав Петрович, захлопнул ногой дверь и открыл ящичек, порывшись в нем как следует и отобрал для Алешки какие-то детали. Алешка был счастлив.

Не думайте, что я рассказываю об этом ради интереса. Дело в том, что эта крохотная подводная лодка очень скоро сыграла такую роль в наших приключениях, что... Впрочем, я увлекся – все по порядку.

Кстати, о порядке. На текущей неделе мы оставались по вечерам без телевизора. Потому что куда-то вдруг подевался пульт от него. Мама даже в помойное ведро заглянула, а потом смирилась:

– Это даже хорошо. Отдохнем немного от всяких «Аншлагов». Но куда же он делся?

Он никуда не делся. Алешка его использовал для управления подводной лодкой.

...Когда мы шли домой, я сказал Алешке:

– Симпатичный он, этот Станислав Петрович.

– Стасик, – сказал Алешка. – Ты что, не узнал его? Это же, Дим, художник с берегов Самородинки.

Я даже затормозил.

– Не заикайся, – сказал Алешка. – Я тоже его не сразу узнал. А когда увидел на подоконнике его бороду...

– Какую бороду?

– Бывшую, Дим. Он ее то приклеивает, то отклеивает. Вместе с усами.

– А зачем? – тупо спросил я.

Алешка хмыкнул.

– Чтоб его не узнали.

– Кто?

Алешка небрежно ответил, пожав плечами:

– Враги, наверное.

– Какие враги? Ты что?

– Разные, Дим. Например, из Зеленого дома на речке. У него, Дим, на подоконнике не только борода лежала.

– Усы еще, я знаю, ты говорил.

– Усы... Там, Дим, лежали еще всякие листочки.

– Ну и что? У нас дома что только не валяется на подоконниках. И цветы в горшочках, и листочки от цветочков.

Алешка снисходительно улыбнулся:

– Это не те листочки. У Стасика на листочках везде Зеленый дом нарисован. В профиль, Дим, анфас и даже сверху. Как ты думаешь, зачем?

– Я не думаю. Если думать обо всякой ерунде на листочках, то на что-нибудь важное времени не останется.

И тут Алешка прямо как древний философ изрек:

– Не всякая ерунда – ерунда. А что-нибудь важное, Дим, тоже ерундой бывает. Знаешь, что я думаю? Я думаю, что Стасик этот дом со всех сторон обрисовывает, чтобы в него за чем-то забраться.

– А зачем? – Что я еще мог спросить?

– Чтобы что-нибудь там сделать.

С Алешкой, конечно, бывает по-всякому. И весело, и сердито. Но вот скучно с ним никогда не бывает.

– Эх, Дим, что-то нашего Ежика не видно в тумане.

– Да вон он, за сигаретным ларьком.

– Он хороший человек все-таки, Дим. Он нам еще пригодится.

Вечером мы всей семьей сидели в большой комнате и занимались своими делами. Мама смотрела телевизор (пульт еще не сбежал), папа дремал, спрятавшись за газетой, я читал, а Лешка ладил свою лодку. И тут произошло одно незначительное событие, которое стало началом событий очень значительных и серьезных. Даже опасных. Потому что мы с Алешкой оказались почему-то в самом центре этих событий...

Зазвонил телефон. Звонили папе. Он ушел разговаривать в свой кабинет. И вскоре вернулся, довольно недовольный. Мама спросила его взглядом. Папа ответил словами:

– Бывший коллега звонил. Которого мы выгнали.

– И чего ему надо? – нахмурилась мама.

– Сам не знает, – папа усмехнулся. – По-моему, у него мания преследования. Все ему кажется, что кто-то за ним следит. И угрожает. Просил выделить двух сотрудников для наблюдения.

– Выделишь? – спросил Алешка.

– Еще чего! У нас для хороших людей сотрудников не хватает. Да и не нужна ему никакая охрана. У него своей хватает.

– Пусть его Сеня Клык поохраняет, – хихикнул Алешка.

Здравая мысль, однако. С последствиями...

Глава III

ДОБРЫЙ МИР

Из-за этой подводной лодки Алешка, как ни странно, стал лучше учиться. Прилетает из школы, в темпе обедает, в темпе расправляется с уроками и хватается за паяльник.

Вообще я его понимаю. Когда есть любимое дело, всегда стараешься поскорее разделиться с делами нелюбимыми. И стараешься сделать их получше, чтобы потом не переделывать и не отвлекаться от любимого дела ради дел нелюбимых.

Я даже перестал проверять Алешкины уроки. И он это оценил.

– Дим, – сказал он в один прекрасный день, – я тебя допускаю к испытаниям. Смотри.

Подводная лодка, еще не покрашенная, стояла у него на столе на подставках. Она, конечно, еще не очень хорошо выглядела, но уже очень была похожа на настоящую.

Алешка взял в руки пульт от телевизора и нажал одну кнопку. Лодка послушно отозвалась и, тихо жужжа, завертела своим маленьким винтом.

– Здорово? – спросил Алешка с гордостью. – А теперь – погружение. – И он нажал другую кнопку.

Но погружение не состоялось. Вместо погружения включился телевизор.

– Не ту кнопку нажал, – объяснил Алешка. – Смотри.

На этот раз получилось – рули глубины отклонились вниз.

И дальше пошли подряд все остальные команды: «всплытие», «право руля», «лево руля». Не хватало только торпедной атаки.

Тут из кухни пришла мама, полюбовалась и сказала:

– Нужно купить новый пульт для телевизора.

– Давай наоборот, – воспользовался случаем Алешка. – Новый купим для меня, а старый отдадим обратно телевизору.

– Он будет рад, – сказала мама. – Особенно если мы поставим твою подводную лодку на наш телевизор.

– Зачем? – удивился Алешка.

– Ну... – мама, видно, еще не была готова к ответу. – Хоть какая-то полезная вещь будет стоять на телевизоре.

– Пылесос – тоже полезная вещь, – сказал Алешка. – Давай его на телевизор поставим.

– Или холодильник, – предложил я. – Очень удобно.

– Какие вы умные! И в кого это такие удались?

– В маму, – сказал Алешка.

– В папу, – сказал я.

– Вот это что? – мама легонько коснулась пальцем лодки.

– Это, мам, боевая рубка.

– А это? – еще один пальчик.

– Это люк.

– Он открывается?

– Еще бы.

– А что там внутри?

– Там, мам, всякая начинка из резисторов... – Тут Алешка начал всю эту начинку перечислять.

Мама весь этот бред терпеливо выслушала. А потом спросила:

– А место там свободное есть?

– Ты хочешь в ней поплавать? – Алешка ловко увернулся от подзатыльника.

– Плавать я на ней не буду, – сказала мама, – мне папа не разрешит. Я вот в эту рубку...

– Точно! – Алешка не дал ей договорить. – Точно! Ты будешь хранить в ней свои драгоценности.

– А где я их возьму? – удивилась мама. – Я лучше вот через этот боевой люк буду в эту боевую рубку складывать лишние деньги. Это будет копилка. Накопим много денег и купим на них что-нибудь очень полезное для всей семьи. Например, женскую шубку.

Мы не стали спорить, Алешка поставил лодку на телевизор. Волноваться не приходится – в нашем доме лишних денег не бывает. Скорее – наоборот. А если что, мы эту женскую шубку будем носить по очереди.

Всю неделю Алешка пропадал у Стасика. И все у него выведал. Алешка это умеет. С ним почему-то все откровенничают. Наверное, потому, что он умеет слушать. И умеет молчать; он никогда не выдает чужие секреты.

– Дим, – как-то вечером сказал он мне. – Этот Хорьков, он такой гад...

– Какой Хорьков?

– Ну, этот, у которого фирма в Зеленом доме на берегу. Раньше там Стасик работал, делал игрушки и разрабатывал свою науку. А Хорьков его оттуда выгнал.

– Ну да, я все понял. Избушка лубяная, избушка ледяная...

– Ничего ты не понял. Потому что ничего не знаешь. Они раньше были друзья. Стасик – он ученый, а Хорьков – он так себе. И они вместе занимались протезами для инвалидов. А потом Хорьков все чаще стал говорить: «Какие мы с тобой молодцы, вот проведем испытания, наладим производство и такие денежки будем грести! На наш век инвалидов хватит». Он вообще, Дим, такие гадости говорил! «Вот ты подумай, Стас, сколько любая мама за протез для любимого сыночка денег отдаст? Сколько запросим – столько и отдаст. Всех родственников обегает, все свои колечки продаст, а деньги соберет. Хоть мильён!»

Действительно, тот еще гад.

– А Стасик говорил ему: «Важно не денежки грести, а помогать несчастным людям!» И они из-за этого все чаще стали спорить. И тогда Хорьков сказал: «Иди отсюда! Я один буду здесь хозяином. Раз ты такой честный». И он, Дим, оказывается, перевел все деньги, которые Стасик получил от государства на свои опыты, на свой счет. И здание тоже – оформил его на свою фирму. На первом этаже у него всякий офис и всякая лаборатория. А на втором он живет, как настоящий барин. У него там и свой повар, и охранников полный дом, и всякие другие прислужники. У него, Дим, даже ветеринар свой имеется.

– Он что, – буркнул я, – Хорькову прививки от бешенства делает?

Алешка рассмеялся, а потом объяснил, что вокруг дома все время бегают два добермана.

– Злющие, Дим. Но глупые. Я с ними два раза через забор поговорил, и они без меня уже жить не могут.

Это правда, Алешка со всеми животными быстренько находит общий язык.

Лешкины новости еще не кончились.

– Дим, а Стасик чего-то задумал. Он, наверное, хочет отомстить. Я бы ему помог. Не зря же он себе бороду клеит и в шляпу прячется. И дом срисовывает. Я бы ему помог. – Все это Алешка выстрелил одной очередью. – Дим, не знаешь, у нас что-нибудь вкусненькое дома есть? Вроде коньяка, например.

– С ума сошел?

– Нет еще. Я опять к Стасику в гости пойду, а с пустыми руками ходить неудобно. Я уже у него сто раз чай пил. С сушками. Теперь моя очередь его угостить.

– Коньяком? – усмехнулся я.

– Ну, Дим, не чаем же. Не пойду же я к нему с нашим чайником. – Он подумал немного, соображая. – Да и остынет он по дороге. – Еще подумал. – Хотя его можно будет подогреть у Стасика на кухне.

Здорово придумал. Я как представил себе, что он шагает по улице с исходящим паром чайником, то чуть со стула не упал и отдал ему все свои деньги:

– На! Купи к чаю бубликов.

Похоже, Алешка именно на это и рассчитывал. Не зря же дразнил меня разговорами о чайнике и коньяке.

– Спасибо, брат. За это можешь пойти со мной. Только давай еще денег, чтобы на троих бубликов хватило.

Мне сначала не хотелось идти в гости, но когда я подумал, что вместо гостей придется сидеть за уроками, желание попить чаю с бубликами тут же появилось.

Мы зашли в нашу булочную, купили горячих бубликов и... явились к Стасику с пустыми руками. Потому что не заметили, как сжевали все бублики по дороге.

– Говорил, надо было коньяк брать, – проворчал Алешка. – Коньяк бы ты на улице пить не стал.

Я бы его и дома пить не стал.

– Ладно, – Алешка махнул рукой. – Пойдем без бубликов. Он нам и так обрадуется.

Алешка не ошибся. Стасик встретил нас приветливо. Может, просто вежливый и воспитанный человек, а может, в самом деле был нам рад.

Он нас поспрашивал о наших делах, причем поспрашивал так, что хотелось ему отвечать. Редкие взрослые так спрашивают. Не успеешь открыть рот, чтобы ответить на первый вопрос, а они уже следующий выдают. Вот, например, мамина подруга Зинка.

– Привет, Алешка, – весело его спрашивает, – как дела в школе?

– Плохо.

– Молодец! Так держать. Я тоже хорошо училась. Девочек не обижаешь?

– Еще как!

– Умница. Девочки – существа слабые и беззащитные, надо о них заботиться. Мама дома?

– На работе. Еще не пришла.

– Позови ее. Или я лучше сама к ней приду. – И идет на кухню, где никакой мамы нет. Ни нашей, ни Зинкиной. И еще обижается: – Вот врунишка.

А вот Стасик расспрашивал со вниманием в глазах, с интересом к нашим делам. С ним было приятно чай пить. У него и бублики нашлись. Он к тому же не замечал, что Алешка накладывает полчашки сахара, а конфеты набивает за обе щеки. Словом, во всех отношениях – хороший человек.

Мы о многом успели поговорить, но тут раздался звонок в дверь. Стасик открыл – и вот вам сюрприз к чаю! – Хорьков собственной персоной.

– Стас, – начал он прямо на пороге, – нам надо серьезно поговорить.

Потом он обернулся и сказал в еще не закрытую дверь:

– Ждите меня на площадке.

Я догадался, что он отдал распоряжение своей охране.

– Заходи, – пригласил Стасик. – Чай будешь?

– Я чай не пью. А это кто такие? – Он указал пальцем на меня и на Алешку. – Племянники?

– Дяди, – усмехнулся Стасик.

– Один дядя, – сказал Алешка и показал на меня. – А другой – дедушка. – И он ткнул себя пальцем в грудь.

Хорьков рассмеялся. У него были очень мелкие, очень белые и очень острые зубы. И такие же глаза, но не белые, конечно. Но острые.

Интересное дело: я сразу почувствовал, что Алешке этот Хорьков неприятен, но Алешка изо всех сил это скрывал и даже, мне показалось, хотел ему понравиться. Вот только зачем?

За Алешкой такого не водится. От нехорошего человека он сразу же отворачивался на всю жизнь. Интересное дело...

– Дедушки нам не помешают? – спросил Хорьков, входя в комнату. – Они скромные?

– Исключительно, – ответил Алешка. – Мы очень воспитанные. И не будем вам мешать, а пойдем на кухню пить чай. – Он подмигнул мне и встал.

– Да я не настаиваю, – сказал Хорьков. Видимо, вспомнил, что он все-таки не дома и не у себя в офисе. А мы ему – не прачки и не поварята. – Оставайтесь, у меня секретов нет. Я человек открытый.

Мы все-таки не послушались такого открытого человека, да еще и без секретов, и ушли на кухню. И, конечно, не прикрыли за собой двери.

И вот такой там состоялся разговор. Передаю его здесь с Алешкиными замечаниями, которые он делал шепотом мне на ухо.

– Стас, – проникновенно начал Хорьков, – я был не прав. Я это признаю. И готов принести свои извинения.

– Приноси, – ответил Стас.

– Ради нашей прежней дружбы я предлагаю тебе вернуться в лабораторию и продолжить исследования.

– Врет, – горячо шепнул мне Алешка. – Просто у него без Стасика ни фиги не получается.

– Будем опять партнерами. На равных. Ты будешь хорошо работать и хорошо зарабатывать. Дело того стоит. Я много думал и понял, что ты был прав. Нужно работать для людей, а не для денег.

– Опять врет, – снова шепнул Алешка. – Как сивый мерин.

Слышала бы сейчас его наша мама! Она бы в обморок упала. Дня на два.

– Знаешь, Толя, – медленно проговорил Стасик, – я тоже много думал о нашей ссоре. Да и времени много прошло. У меня теперь другая работа, другие планы. Возвращаться к прежним делам нет у меня желания. Да и смысла нет. Я уже многое забыл. Многое перестало меня интересовать.

– И этот врет! – Алешка мне чуть ухо не откусил. – Ставь чайник.

То, что Стасик врет, это мне и так было ясно, но при чем здесь чайник? Тем более что хотелось послушать и дальше.

– Руку дружбы, которую ты мне протянул, – продолжил Стасик, – я принимаю. Но работать в твоей фирме скорее всего не стану. А чтобы ты не сомневался в моей искренности... У тебя ведь, если я правильно помню, скоро юбилей?

– Правильно помнишь, Стас! И я приглашаю тебя на банкет.

– Не любитель я ресторанов, ты же знаешь.

– Ох и хитрец наш Стасик! – восхитился Алешка. – Ставь же чайник! И бублики на красивую тарелку красиво положи.

– Я знаю, Стас, – донеслось из комнаты, – но банкет будет не в ресторане, а в моем офисе. Я уже заказал стол, официантов и известных артистов. Придешь?

– Ты меня перебил своими банкетами. Я ведь не случайно вспомнил о твоём юбилее. В знак нашего примирения и в честь нашей давней дружбы я приготовил тебе подарок. И уж если ты так настаиваешь, доставлю его в твой офис. Мир и дружба?

– Стас! Я так рад! Такая гора свалилась с моих плеч!

В этот момент в комнате появились мы с Алешкой. Я – с кипящим чайником, Алешка – с красивой тарелкой, на которой красиво лежали два бублика.

– Откушайте с нами чая, – брякнул Алешка.

– Славный у тебя дедушка, Стас! – Хорьков прямо весь светился своими острыми зубками.

– А у вас ветеринар славный, – еще пуще отмочил Алешка. – Нам про него одна собачница говорила. Он ей хвост отрезал. И уши тоже.

– Дед, ты что-то путаешь, – расхохотался Хорьков. – Мой ветеринар никакой тетке ни ушей, ни хвостов не отрезал.

– Ну, – Алешка сделал вид, что сильно смутился, – не совсем ей. А ее доберману.

– Это он может. – Хорькову явно было приятно. Будто это он сам так здорово режет хвосты и уши. Хотя в каком-то смысле, конечно...

– А еще эта собачница сказала, что ни к какому ветеринару, кроме вашего, никогда не пойдет.

– И правильно. Он у меня – просто Айболит.

– А можно, если у нас кто-нибудь заболеет, мы тоже к вам придем? Ну, не к вам лично, а к вашему личному ветеринару?

«Который вам прививки от бешенства делает», – хотелось добавить мне.

– Нет вопросов, дедуля. Держи! – и он протянул Алешке свою визитку. – Звони, если что. Прием без очереди.

Видно, ему очень хотелось понравиться Стасику. И показать, каким он стал добрым и чутким.

Чай пить Хорьков в самом деле не стал. А стал прощаться.

– Все, Стас, заметано! Жду тебя в офисе пятнадцатого числа. Приглашение тебе доставят. Как я рад! Давай свою лапу, да я пойду. А то мои козлы на лестнице небось разоспались.

– Козлы? – подскочил Алешка. – Рогатые? А можно на них посмотреть?

Хорьков опять рассмеялся. Веселый человек. И открытый. Без секретов.

– Посмотри. – Хорьков распахнул дверь.

Мы выглянули.

Его «козлы» сидели на подоконнике и тянули пиво из банок.

Алешка хихикнул. Хорьков – тоже. Охранники вскочили; один побежал вниз – проверять подъезд, другой пошел к лифту. Мы вернулись в квартиру. Быстренько допили чай и отправились домой.

– Ох, Дим, до чего же хитер наш Стасик, – сказал Алешка, когда мы вошли в подъезд. – Подарок он приготовил! Своему другу! Тот еще подарочек! Так ему и надо!

– А я рад, что они помирились. Будут работать вместе.

– Ага! – Алешка усмехнулся. – Развалины фирмы разбирать.

Я надолго задумался над Алешкиными словами. У него, кстати, была такая манера: если он до чего-то додумался, никогда сразу не объяснит.

– Сам думай, – обычно говорил он в таком случае. – Тренируйся.

Вот я и тренировался. Какие развалины? При чем здесь вообще развалины? Откуда они возьмутся? Они должны появиться на месте нормального здания. А как? Землетрясения в Москве бывают редко. Ураганов в ближайшее время нам не обещают. Цунами до нас не докажется.

Значит – что? Эти развалины должен кто-то сделать...

Дошло! Стасик вовсе не простил Хорькову его предательства, он затаился и затаил праведную месть. Он приготовил ему подарок на юбилей в виде порядочного взрывного устройства.

Неслабо! Стоп! Но там же будут, на этом юбилее, и другие люди. Ни в чем перед Стасиком не виновные. И, может, даже очень неплохие, честные граждане. Не такой же он злобный, этот талантливый конструктор. Он же все время говорит, что каждый человек должен трудиться не ради денег или какой-нибудь там славы, а для пользы других людей. И он, конечно, прав. Сколько на земле стоит памятников тем людям, которые служили на пользу человечества. Героям, ученым, врачам, исследователям и покорителям. Даже подопытным собакам и

лягушкам. А вот ни одного памятника какому-нибудь миллионеру я что-то не припомню. Да и за что ставить им памятник? Что там можно написать на постаменте в назидание потомкам? «Во славу человека, который путем обманов и махинаций накопил за всю свою жизнь тыщу миллиардов денег». Красивая память.

Нет, Стасик, конечно, все предусмотрел. Он, конечно, не допустит невинных жертв на берегу Самородинки. Он наверняка все предусмотрел. Придумал такое хитрое устройство, которое не заденет ни одного человека, но не оставит ни следа от поганой фирмы Хорькова.

Что ж, все стало ясно не только Алешке, но даже мне. Стасик приготовил для Хорькова подарок в виде взрывного устройства.

Но, как показало ближайшее будущее, мы с Алешкой немного ошиблись. Стасик поступил гораздо мудрее и хитрее. И беспощаднее. Ведь разрушенное здание можно восстановить или заново отстроить. А вот испорченную, так сказать – взорванную репутацию уже не исправить...

Глава IV

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Юбилей Хорькова неумолимо приближался. И становилось как-то тревожно. Я даже сказал Алешке:

– Может, в милицию заявим? Или папе расскажем?

– И маме, – кивнул Алешка с усмешкой. – И бабушке. И дедушке в Питер телеграмму дадим.

– Лех, дом все-таки жалко. Такой красивый. Такой зеленый.

– А мне Стасика жалко. И тех ребятишек, которым он мог помочь, а этот гад Хорьков ему помешал. Дим, во всех книгах пишут, что зло должно быть наказано. И папа тоже всегда так говорит.

– Что папа говорит? – спросила мама, войдя в нашу комнату.

– Зло должно быть наказано.

– Смотря какое зло, – глубокомысленно изрекла мама. – Зло бывает разное, даже полезное. Например, уколы. Впрочем, папе виднее.

– Вот видишь, Дим, – сказал Алешка. – Стасик собирается сделать полезное зло. Вроде укола.

– Кому? – спросила мама.

– Неполезному человеку. Даже вредному.

– Тогда можно, – разрешила мама. – А куда вы намылились?

– На репетицию, – сказал Алешка.

Мама не возражала, она решила, что это опять какая-нибудь школьная репетиция. У нас в школе все время что-нибудь репетируют и экспериментируют. Она у нас так и называется: экспериментальная школа с гуманитарным направлением.

А у нас была совсем другая репетиция. Вернее, не у нас, а у Стасика. Мы на этой генеральной репетиции исполняли роль зрителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.